

ЖИЗНЬ СЕЗАННА

АНРИ ПЕРРЮШО

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ (АСТ)

Анри Перрюшо
Жизнь Сезанна

«Издательство АСТ»

1959

УДК 75(44)(092)
ББК 85.143(3)

Перрюшо А.

Жизнь Сезанна / А. Перрюшо — «Издательство АСТ»,
1959 — (Жизнь в искусстве (АСТ))

ISBN 978-5-17-080292-0

Писатель Анри Перрюшо, известный своими монографиями о жизни и творчестве французских художников-импрессионистов, удачно сочетает в своих романах беллетристическую живость повествования с достоверностью фактов, пытаясь понять особенности творчества живописцев и эпохи. В своей монографии о знаменитом художнике Поле Сезанне автор детально проследил творческий путь художника, процесс его профессионального формирования. В книге использованы уникальные документы, воспоминания современников, письма.

УДК 75(44)(092)

ББК 85.143(3)

ISBN 978-5-17-080292-0

© Перрюшо А., 1959

© Издательство АСТ, 1959

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Часть первая	15
I. Эта коробочка акварели...	15
II. Коллеж и дружба	21
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анри Перрюшо Жизнь Сезанна

Henry Perruchot

LA VIE DE CEZANNE

Книга печатается с разрешения издательства Hachette Livre и литературного агентства

Anastasia Lester

«LA VIE DE CEZANNE» by Henry PERRUCHOT

© Librairie Hachette, 1959

Все права защищены.

© ООО «Издательство АСТ»

Предисловие

«Эта книга отнюдь не роман-биография», – снова повторяю я те слова, какими начинается моя «Жизнь Ван Гога».

Я узнал о Сезанне все, что только известно о нем ныне; я собрал и сличил все имеющиеся о нем материалы; я посетил места, где он жил, пытливо вглядывался в природу и вещи. Короче говоря, я не привел здесь ни одного факта, достоверность которого не мог бы доказать.

Сезанн не легко поддается изучению. Он был человеком довольно скрытным. Люди, знавшие художника, оставили нам ряд его портретов, но все они противоречат друг другу. Однако это еще не самая большая трудность, с какой сталкивается на каждом шагу биограф Сезанна. В противоречиях я силился разобраться. Я пытался за всем поверхностным и случайным проследить глубокую преемственность явлений одной жизни. Удалось ли это мне? Хочу верить. Задача, которая подчас казалась неразрешимой, была в то же время задачей увлекательной.

Считаю своим долгом отметить, что я бесконечно многим обязан господину Джону Ревалду, чьи ученые труды дают богатый, тщательно выверенный материал для изучения не только творчества Сезанна, но и всей истории импрессионизма в целом.

Весьма полезными оказались для меня также исследования гг. Лионелло Вентури, Джерстла Мэкка, Бернара Дориваля, Жана де Бекона и др. Не могу не выразить глубокой признательности и госпоже Эмиль Бернар, открывшей мне доступ к своим семейным архивам и предоставившей в мое распоряжение много очень ценных неопубликованных документов, а также и в адрес госпожи Е. Блонде-Флери и гг. Р. Авезу, Мишеля-Анжа Бернара, Жюля Жозе, Губера Жюэна, Эмиля Ламбара, Анри де Мадейана, Виктора Николла, Люсьена Ноэля, которые помогли мне уточнить некоторые частности, снабдив меня материалами или указав источники весьма необходимых сведений.

А. П.

Пролог

Финансовый гений провинции пятидесятих годов

Мой отец был человеком гениальным: он оставил мне двадцать тысяч франков ренты.

Поль Сезанн

Экс-ан-Прованс спит уже свыше полувека. Был он столицей, стал всего-навсего субпрефектурой. XVII и XVIII века – свидетели его наивысшего расцвета. То были времена, когда местная знать, все эти Вовенарги, Этьены д'Орв, Руссе-Бульбоны, Форбены, Сен-Марки и многие другие дворяне построили столько прекрасных особняков на Бульваре, разбитом ровно двести лет назад. Времена те миновали. «Экс – это Помпея», – говорит Луиза Коле¹. Экс дремлет.

В 1850 году «весь Экс» насчитывает лишь семьсот знатных фамилий, однако он уже отстал от века. Экская аристократия доживает последние дни. Большинство ее представителей замуровывается в своих старых особняках. Они составляют кружок чопорных, угрюмых чудаков, ревниво цепляющихся за прошлое, за утраченное богатство, чудаков, незримо влачащих полуголодное существование среди предметов старины, на которые давно зарятся антиквары. В воскресные дни по городу кружит последний портшез, портшез маркизы де ла Гард. Маркиза проплывает в нем, как призрачная тень былого, чем, по существу, и является: ведь эта дама весьма преклонных лет живет лишь памятью о том незабываемом для нее дне, когда она была в Версале представлена Марии-Антуанетте; к слову сказать, если бы не факельщики похоронного бюро – маркиза передела их в свою ливрею, – она осталась бы без носильщиков. Потрясающий анахронизм, но в конце концов не больший, чем та условная граница, что делит Бульвар надвое: южная аллея – для дворян, северная – для простолюдинов².

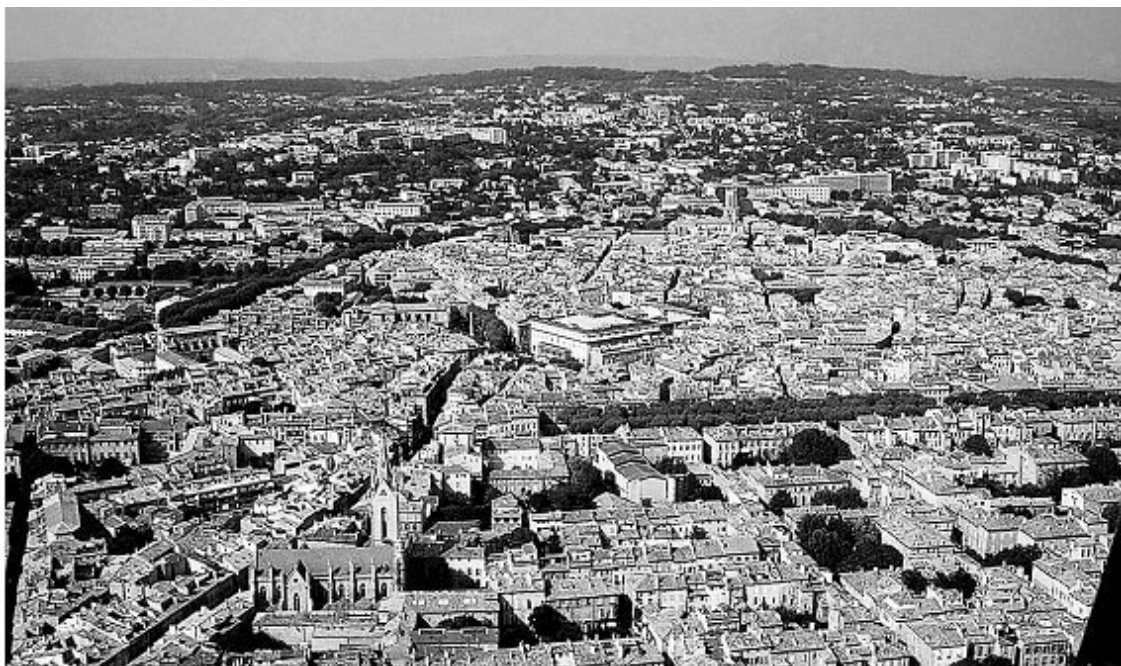
И все же Экс живет. Вчерашний аристократ, он сегодня обуржуазивается, Экс ударяется в коммерцию. На Бульваре, в самом сердце города, где долгие годы не было ни одной лавки, где до революции право на существование имели лишь кафе, на этом Бульваррре (воспроизводя экское произношение) развелось немало торговых предприятий; а кафе – число их сильно приумножилось – теперь играют еще и роль почтово-пассажирских контор. Да, Экс живет наперекор всему. При Луи-Филиппе, уже два года как свергнутом, здесь был основан филологический факультет, а также педагогическое и техническое училища. Сейчас на городских улицах, и в первую очередь, конечно, на Бульваре, собираются установить газовые фонари. Открыли скотопригонный двор. В течение последних четырех лет в Эксе сооружается канал, чтобы, по замыслу инженера Франсуа Золя, город с тридцатью фонтанами больше не страдал в засуху от недостатка воды. Одновременно, и тоже не менее четырех лет, здесь строят железную дорогу, которая вскоре соединит Экс с Роньяком; может статься, что в один прекрасный день тут проведут и другие железнодорожные линии и они свяжут Экс с одной стороны с Марселем, а с другой – с Пертюи³. Но до той поры, конечно, много воды утечет. Экс живет, но не бурно, не суетливо. Это все тот же заштатный город, стоящий в стороне от сутолоки промышленного века.

---

¹ Луиза Коле (1808–1876) – французская писательница, уроженка Экса. Ее перу принадлежит много книг для юношества. (Прим. пер.)

² Такое разграничение продержалось до 1918 года.

³ Пертюи – главный город департамента Воклюз. (Прим. пер.)

Панорама города Экс-ан-Прованс. Современный вид.

Считанные фабрики, какие имеются в нем, изготовляют шляпы, охотничью дробь... и миндальные пирожные⁴. Маловато, пожалуй, но для такого города и это, собственно, много. Экс предпочитает грезить о том, чем он был, нежели думать о том, чем он мог бы стать. К тому же бывшую столицу Прованса подавляет оттеснивший ее Марсель, шумный, многолюдный, промышленный Марсель. Экс и не пытается тягаться с ним; где ему, да и зачем. У Экса одна забота, как бы только сохранить свои прерогативы: ведь он город академии, город апелляционного суда, город епископства. Гуляя по Бульвару, под платанами, не так давно сменившими двухсотлетние вязаы (их пришлось срубить: во время революции на них повесили нескольких дворян), профессора и лица судейского звания сталкиваются с канониками и высшими духовными чинами. Экс истинно благочестивый город. Если отличительную особенность бывшей столицы Прованса составляет скопище «августейших» вдов и престарелых дворян, то не менее характерна для нее и сутана. Иезуитов и капуцинов здесь больше чем достаточно. Они вносят нотку своеобразия в чуть грустное, дремотное очарование этого тихого города, где в легком плеске журчащих фонтанов слышится старая как мир песнь.

---

⁴ Экс славится этими пирожными. (Прим. пер.)

Поль Сезанн. Пейзаж в Эксе.

* * *

В этом сонном городе (каких-нибудь двадцать семь тысяч жителей) предмет постоянных разговоров для всех служит один человек. Дворянство не удостоивает его вниманием. Буржуазия презирает его, держит на расстоянии и втайне завидует ему. В народе он вызывает ревнивое восхищение.

Этого пятидесятилетнего, ладно скроенного человека зовут Луи-Огюст Сезанн. Тяжелое, лишенное растительности лицо, высокий, с залысинами лоб, две волевые складки меж резко очерченных бровей – внешность буржуа времен Луи-Филиппа, буржуа, который собственноручно штопает себе одежду и вряд ли может быть заподозрен в пристрастии к каким бы то ни было метафизическим бредням. Взгляд его тверд и в то же время ироничен. «Башковит!», как говорят в том краю, да, башковит, спору нет. И он это наглядно доказал.

В 1650 году, примерно в период расцвета Экса, нищие горцы, влачившие жалкое существование в Чезане – городке, затерянном в Приморских Альпах, – пришли из-за гор в Бриансон. Путь их был недолог, так как не более двадцати четырех километров отделяет эти два пункта, расположенные по обе стороны того знаменитого Женеврского перевала, которым в ходе истории поочередно пользовались Ганнибал, Цезарь и Карл VIII; и они, эти горцы, несомненно, не чувствовали себя здесь на чужбине, поскольку Чезана – местечко французское и по языку и по обычаям – входила тогда, и долгое время спустя, в состав Бриансонского края⁵

---

⁵ В описываемую эпоху фамилии обитателей Чезаны были самые что ни на есть французские: Бланше, Бувье, Ру, Мартэн, Фор, Тисселан, Понсе, Мансон и т. п. В 1713 году согласно Утрехтскому договору Чезана разделила участь бриансонских

Переменив место жительства, пришельцы приняли имя родного городка и стали называться Чезаннами, или Сезаннами, или же Сесаннами, фамилия их еще долго писалась по-разному.

В Бриансоне Сезанны не разбогатели. Один из них, Блэз, сапожничал и был значительно богаче чадами (у него их была целая дюжина), нежели звонкой монетой. Сезанны, по крайней мере некоторые из них, снова пустились кочевать. В Эксе с 1700 года обосновался Дени Сезанн, чья семья тоже разрослась, но нисколько не разбогатела. Цирюльники, портные – вот кем стали эские Сезанны; казалось, им вовек не суждено выбиться в люди. Внук Дени Сезанна, Тома-Франсуа-Ксавье, родившийся в 1756 году, в свою очередь, захотел попытать счастья где-нибудь вне Экса и отправился портняжить километров за двадцать к юго-западу, в маленькое местечко Сен-Закари, расположенное по ту сторону Регеньясской горы. Ему было на роду написано умереть там в 1818 году, преуспев ни больше и ни меньше, чем преуспел любой из его родственников. Он оставил после себя двадцатилетнего сына Луи-Огюста Сезанна, того самого, о ком и ведется речь.

Луи-Огюст родился в Сен-Закари в эпоху Директории, 10 мессидора, год I (28 июня 1798 года) хилым, тщедушным ребенком. Однако с возрастом он поздоровел, а к тому времени, как скончался его отец, превратился в крепко сбитого парня, в котором жизнь кипела ключом. Невероятно честолюбивый, он рассудил, что в местечке Сен-Закари ему никогда не представится случая выбраться из трясины, засосавшей его сородичей. И он тем же путем, каким следовала его семья, только в обратном направлении, вернулся в Экс, где поступил на службу к Дете, торговцам шерстью.

В начале прошлого века в Эксе до какой-то степени процветала одна лишь отрасль мелкой промышленности – шляпное производство, старинное эское ремесло. Окрестные фермеры разводили кроликов, из пуха которых многие городские фабрики изготавливали фетр. Экс понемногу экспортировал фетровые шляпы во все страны.

Луи-Огюст решил изучить шляпное дело и с этой целью в 1821 году двадцатитрехлетним юношей отправился в Париж.

Он провел в столице без малого четыре года, работал как вол и в скором времени стал из ученика рабочим, а затем приказчиком. Хозяин уважал его; хозяйка и того больше, однако злые языки утверждали, что совсем по иным причинам. На его месте всякий не столь воинственный мальиш считал бы, что достиг предела мечтаний. Луи-Огюст полагал иначе. В 1825 году – ему уже исполнилось двадцать семь лет – он с твердым намерением начать борьбу вновь причалил к эским берегам.

Вряд ли за время обучения в Париже Луи-Огюст не скопил денег. Во всяком случае, не успел он приехать в Экс, как в компании с неким Мартеном открыл магазин по продаже и экспорту шляп, и где же? В самом центре Бульвара, в доме № 55, на углу улицы Гран-Карм. Видимо, совладельцы сочли необходимым увеличить основной капитал, ибо вскоре взяли себе в компаньоны третьего пройдоху, некоего Купена, дельца под стать самому Луи-Огюсту. Так было положено начало фирме «Мартен, Купен и Сезанн»⁶. По Эксу пошли толки. Весь Бульвар, террасы всех кафе облетел каламбур, на общий взгляд довольно каверзный; остряки, многозначительно подмигивая, обыгрывали фамилию Сезанн: «Мартен, Купен и Сезанн – итого восемнадцать ослов»⁷.

долин восточного склона, которые Франция обменяла на Барселонскую долину. Позднее, по мере того как итальянские географические названия офранцуживались, Чезана стала Сезанной.

⁶ Еще и по сей день можно, хотя и с трудом, разобрать на фасаде этого дома полустертую вывеску: «Шляпный магазин, бульвар Мирабо, продажа оптом и в розницу». Но что бы ни писал по этому поводу местный эрудит Марсель Прованс, тут, несомненно, идет речь не о фирме «Мартен, Купен и Сезанн», ибо Бульвар был переименован в бульвар Мирабо в 1876 году, то есть полвека спустя.

⁷ По-французски фамилия «Sezanne» звучит как «Seize ans», что значит «шестнадцать ослов». (Прим. пер.)

Насмешка совершенно необоснованная. «Восемнадцать ослов» не одному эксовцу утерли нос: их фирма быстро пошла в гору. Луи-Огюст нисколько не ошибся в выборе пути. Теперь, наконец, путь к богатству был для него открыт.

В глазах Луи-Огюста истинную ценность имели только деньги – неоспоримое доказательство признания и успеха. Этот осторожный и в то же время смелый делец, ловкий и настойчивый, жадный и педантичный, был наделен безошибочным чутьем и изобретательным умом; невероятно вспыльчивый, деспотичный, не щадящий ни себя, ни других, прижимистый в силу необходимости, но воздержанный по натуре, он, движимый в погоне за богатством какой-то неумемной страстью, копил луидор за луидором. При всей пылкости темперамента любовь нисколько не волновала его. Лишь когда дела его фирмы приняли широкий размах, он в сорокалетнем возрасте вступил в самую прозаическую связь с двадцатичетырехлетней девицей Анной-Элизабетой-Онориной Обер, дочерью резчика по дереву, изготовлявшего стулья, и сестрой одного из своих служащих⁸. От этой связи родились сын Поль⁹ и спустя два года дочь Мария¹⁰, которых Луи-Огюст признал с первого дня их рождения. Однако он еще три года тянул, пока решил узаконить эти отношения, по правде говоря, в ту пору довольно распространенные. Лишь 29 января 1844 года он сорока пяти лет от роду обвенчался с Элизабетой Обер.

Никто не мог бы тогда назвать точную сумму его капитала, но она, несомненно, была значительной. И вот доказательство: когда через год компаньоны разошлись, Луи-Огюст не только остался единственным хозяином магазина, но занялся еще и другого рода деятельностью.

---

⁸ Елизабета Обер родилась в Эксе 24 сентября 1814 года.

⁹ 19 января 1839 года.

¹⁰ 4 июля 1841 года.

Поль Сезанн. Портрет Луи-Огюста Сезанна, отца художника, читающего «Эвенман».

Надо сказать, что кролиководы, снабжавшие экскую шляпную промышленность кроличьими шкурками, нередко бывали стеснены в средствах. Боясь, как бы их затруднения не сказались на делах, Луи-Огюст время от времени ссужал их деньгами – разумеется, под проценты. Вот тут он и заметил, что это само по себе недурной источник дохода. Он умножил подобного рода операции и вскоре стал присяжным заимодавцем не только эксовцев, но и жителей всего края. Забросив мало-помалу свой магазин, он в конце концов увлекся финансовыми сделками. Однако Луи-Огюст не мог развернуться так, как хотел бы, поскольку в Эксе уже имелся один банк, банк Барже на улице Ансьен-Мадлен. Надо бы самому открыть банкирский дом и конкурировать с Барже, да дело это, пожалуй, рискованное, раздумывал Луи-Огюст: удача отнюдь не вскружила ему головы.

Луи-Огюсту не пришлось долго думать: в 1848 году банк Барже потерпел крах. Луи-Огюст решил, не откладывая, учредить новый банк. Вступив в переговоры с бывшим кассиром обанкротившегося дома, Кабассолем – фамилия исконно провансальская, – который, не имея ни лиара за душой, обладал зато большим опытом, он пригласил его в компаньоны. Оба дельца

не замедлили прийти к соглашению: договор заключается на пять лет и три месяца, после чего может быть возобновлен; прибыль делится поровну; Кабассоль способствует процветанию дела своим искусством, то есть обширными и точными познаниями в области техники банковских операций, а Сезанн – капиталовложением¹¹.

1 июля состоялось торжественное открытие банка «Сезанн и Кабассоль». Луи-Огюст вложил в дело 100 тысяч франков золотом¹².

* * *

1850 год. Вот уже немногим больше двух лет, как банк «Сезанн и Кабассоль» начал свою деятельность. Он процветает. Оба компаньона, не уступая друг другу ни в хитрости, ни в сребролюбии, не позволяют себе никакой роскоши. С обоюдного согласия каждый из них получает на свои личные расходы всего лишь по две тысячи франков в год; правда, Луи-Огюсту капитал приносит проценты – пять процентов, – другими словами, дополнительный доход в пять тысяч франков. Ну и что из того! Луи-Огюст не привык транжирить, и надо думать, никогда не усвоит такой привычки. Ликвидируя шляпное заведение, он отложил для себя на особо торжественные случаи несколько цилиндров и, что куда важнее, целую партию картузов с наушниками и длинным козырьком для ежедневного употребления: головными уборами он обеспечен до конца жизни, на них ему, конечно, не надо будет больше тратиться. Ничего удивительного, что Луи-Огюст становится мишенью для шуток всех городских острословов. «Видел ты черпак папаши Сезанна?» – спрашивают они, издеваясь над его картузом. Луи-Огюст прикидывается тугим на ухо. Насмешливым взглядом мерит он с головы до ног этих сиятельных вдов, раздетых в шелка, и дряхлых маркизов в крахмальных манишках. Несмотря на их вельможный вид и надменный, рассеянный взгляд, каким они устаивают всех и вся, он хорошо знает, какова им цена в переводе на золото; и так же хорошо знает, чего стоит он сам, несмотря на свой непрезентабельный костюм, картуз и грубые деревенские башмаки из толстой белой кожи, на которых он раз навсегда остановил выбор, потому что их не надо чистить.

Когда гарантии, представляемые каким-нибудь заемщиком, кажутся банкиру сомнительными, он своим провансальским говорком бросает: «А вы, Кабассоль, что скажете?» Условленная фраза, скрытый смысл которой, ясный для обоих дельцов, таков: «Откажите: должник ненадежный, для таких у нас нет денег». Платежеспособность всех жителей Экса Луи-Огюсту известна с точностью до одного сантима.

Состояние Луи-Огюста растет исправно и стремительно. Каждый день приносит ему еще крупницу золота. Потомок нищих горцев-переселенцев одержал победу. Недалек тот час, когда город Экс убедится, сколь велика эта победа: за восемьдесят тысяч франков золотом купит он Жа де Буффан – прекрасный загородный дом, выстроенный для себя г-м де Вилларом в бытность его наместником Прованса; а когда позднее, много-много позднее, Луи-Огюст восьмидесятивосьмилетним старцем умрет, наследники его получат капитал в миллион двести тысяч франков золотом.

Благосостояние его упрочено, будущее семьи обеспечено, чего еще желать этому Луи-Огюсту Сезанну? Одного, и только одного: претворив в жизнь все свои честолюбивые стремления, он имеет законное право желать, чтобы его дети занимались тем, чем занимался он, чтобы они продолжили его дело, чтобы стали силой, ибо для Луи-Огюста Сезанна существует только одна сила: та, которую дают деньги; только одна истина: деньги; только один образ жизни: зара-

---

¹¹ Архивы Бюро записей города Экс-ан-Прованс.

¹² В нынешнем исчислении 17 00 тысяч франков. Все суммы в дальнейшем указываются в старом исчислении до реформы 1961 года. (Прим. пер.)

батывать деньги; только один смысл человеческой деятельности: бесконечное приумножение денег.

Луи-Огюст Сезанн с надеждой взирает на своего сына Поля. Придет день, когда Поль станет его преемником. Придет день, когда банк «Сезанн и Кабассоль» превратится в банк «Поль Сезанн» – собственность крупного денежного туза.

Часть первая Призвание (1839–1862)

І. Эта коробочка акварели...

*Я видел на днях, как дочурка одного из моих друзей вооружилась
коробкой красок. Давать в руки ребенку подобное орудие!*

Эдгар Дега

На Бульваре у дома, где помещается шляпное заведение «Мартен, Купен и Сезанн», играет мальчик: сын Луи-Огюста – Поль.

Дом этот ветхий (фриз на его боковой стороне осыпается от времени) и к тому же как бы обособленный от прочих зданий Бульвара, потому что западной своей стороной он выходит на улицу Гран-Карм, а восточной – в узкий пассаж Агар, представляющий собой кратчайший путь к Бульвару и к площади перед зданием суда. Полусвет, полутень – таково царство маленького Поля. Вон там, у самого входа в пассаж, арка, в полумраке под ней дверь, толкнешь ее и поднимешься в квартиру, где хлопочет по хозяйству мама; а тут, напротив магазина, вдруг повеселевшего под лучами солнца, что пробивается сквозь листву вязов – поговаривают, их собираются срубить, – весь шумный оживленный Бульвар. Почтово-пассажирские кареты, прибывая из Авиньона, Марселя или Вара, останавливаются, конечно, на северной стороне; это сторона простонародья, она же сторона солнца – сторона жизни.

Но не здесь, не в этом доме на Бульваре родился Поль. Когда его матери пришло время родить, она ушла из квартиры Луи-Огюста, расположенной над шляпным магазином, и нашла себе временное пристанище в доме № 28 по улице де Л'Опера, которая служит продолжением Бульвара. Элизабете Обер, понятно, не хотелось давать сплетникам лишний повод судачить о ней и об отце ее будущего ребенка. Однако когда двадцать девять месяцев спустя на свет должна была появиться сестра Поля, Мария, их мать, очевидно, уже меньше беспокоилась о том, что скажут окружающие, ибо на сей раз она и не подумала скрыться.

Поль играет перед дверью магазина, заливаясь смехом, гоняется по тротуару за солнечными зайчиками, что по милости ветра то появляются, то исчезают. Какой свет, а какие краски на этом Бульваре! В базарные дни сюда наезжает множество деревенских дилижансов – желтых, красных, зеленых. Барышники в синих блузах гонят гурты овец, стада коров. На террасах кафе игроки, сидя за бутылкой палетского и посасывая белые каолиновые трубки, часами режутся в карты; солнце кладет легкие мазки изумрудных бликов и лиловых теней на серые куртки и небесно-голубые блузы. Здесь налицо весь веселый, смеющийся Прованс, народный, крестьянский Прованс.

В такие дни мать Поля, высокая, стройная, совсем еще молодая женщина – этой жгучей брюнетке нет и тридцати лет, – с трудом удерживает сынишку при себе. Стоит ей на миг ослабить внимание, как он уже семенит к рынку и старается затесаться в самую гущу людей и животных, спешит надыхаться воздухом эских полей, напоенных благоуханием плодов, крепким ароматом чеснока и оливок, перца, помидоров и баклажанов, к которому примешивается терпкий запах пота, распространяемый вокруг вереницами блеющих овец, пригнанных сюда с высот Треваресса. Сколько бы мать ни звала Поля, он и ухом не ведет. Приходится силой уводить его оттуда и шлепками загонять домой, а он, злой, надутый, еще и сердито огрызается.

Странный ребенок, этот четырехлетний Поль Сезанн, и далеко не всегда приятный. У него нет ничего общего с теми вечно улыбающимися карапузами, на которых матери не нарадуются. Такой же упрямый, такой же гневливый, как его отец, он всегда стремится поставить на своем, а иногда без всякого видимого повода начинает вдруг бесноваться, топтать ногами, пока не доведет себя до настоящего припадка, впрочем, припадок этот прекращается так же внезапно, как начинается. А между тем второго такого ласкового ребенка не сыскать. Он обожает сестренку Марию, обожает мать и обожает, да, обожает своего уже пожилого сорокапятилетнего отца, перед которым он трепещет, который отпугивает его, чей властный голос, едва в нем появляются нотки более жесткие, чем обычно, заставляет мальчика тут же сжаться и присмиреть. Да и кто же в доме на Бульваре посмел бы возразить, пусть даже мысленно, Луи-Огюсту?

Поль Сезанн. Портрет матери.

Скоро Поль покинет этот дом, где он провел столько счастливых дней. Родители мальчика собираются переехать. Почему бы им не устроиться поудобнее, ведь дела Луи-Огюста с каждым днем идут все успешнее. Банкира прельщает улица Гласьер, не беда, что она узкая,

кривая и темная, зато спокойная. По правде говоря, Полю пора бы уже утомиться. Не за горами день, когда он пойдет в школу.

Родители его, наконец, приняли важное решение: 29 января 1844 года они оформили свой брак в мэрии, в тот день Полю исполнилось пять лет и десять дней. Да, времени перемотать Сезаннам косточки у сплетников было предостаточно!

Поль еще слишком мал, чтобы понять все значение этой церемонии, которая возводит его и сестру в ранг законных детей. Он продолжает резвиться. Совсем недавно он придумал себе новую игру, мать от нее в восторге, потому что это тихая игра: вооружившись угольком, он разрисовывает все стены. На днях друг Луи-Огюста г-н Перрон, увидев на стене набросок Поля, воскликнул: «Да ведь это же мост Мирабо!» Вот именно, этот мост через Дюранту и нарисовал Поль.

Г-жа Сезанн преисполнилась гордости. Она далеко не равнодушна к тому, что Поль в таком возрасте способен что-то верно воспроизвести. Потому что г-жа Сезанн, не в пример супругу, привносит в свою жизнь много причуд и игры воображения. Воплощенная женственность и непосредственность, она обладает импульсивностью великих фантазеров. Она романтична, мечтательна, несколько склонна к иллюзиям. Впрочем, ей было от кого все это унаследовать. Со стороны матери, жены резчика по дереву, она принадлежит к семье Жирардов, более чем скромных марсельских ремесленников: обладая свойством уноситься за облака, они порядком приукрасили историю своего происхождения. Один из их предков был, утверждают они, генералом наполеоновской армии и вместе с мужем Полины Бонапарт¹³ активно участвовал в боях на острове Сен-Доминго, где женился на туземке. По милости этого удалого вояки в жилах Жирардов якобы течет негритянская кровь. Чистый вымысел, но Жирарды охотно повторяют его.

Поль уже ходит в начальную школу на улице Эпино, где он на хорошем счету, как примерный и послушный ученик. Учителя довольны им. Месяцы идут чередой без каких бы то ни было происшествий. У Поля завязывается прочная дружба кое с кем из одноклассников, особенно с Филиппом Солари, сыном каменотеса. Филипп сама доброта, он услужлив и приветлив; о таком товарище можно только мечтать. С ним Поль с утра до ночи играет, с ним, невзирая на тревогу матери, бродит по старым эским улицам; Полю очень нравятся эти спокойные узкие улицы, ему по душе их мягкий сумрак, усугубленный тишиной, он любит их дремотное оцепенение.

Надо сказать, что в мечтательности Поль не уступает матери. Когда отец, чьи мысли постоянно заняты множеством сложных комбинаций, возвращается домой на улицу Гласьер и бывает грубоват с матерью, покрикивает на нее, Полю хочется только одного: чтобы о нем забыли. Скованный присутствием своего властного отца, он уединяется, замыкается в себе, исчезает. Он ищет поддержки. И как ни странно, находит ее у младшей сестры; Марию ничем не испугаешь; она не побоялась бы при случае дать отпор самому Луи-Огюсту.

И, растерявшись от неожиданности, Луи-Огюст, вероятно, рассмеялся бы. Из двух своих детей он, бесспорно, больше любит дочь, а не простофилю Поля, который теряется при малейшем препятствии. Пора бы, однако, расшевелиться этому увальню, если он хочет в один прекрасный день стать достойным преемником отца.

Теперь и Мария посещает школу на улице Эпино – это смешанная школа. Брат и сестра ходят туда вместе. На Поле, как старшем, естественно, лежит обязанность присматривать за сестренкой. Но девочка очень скоро поняла, до какой степени беспомощен ее опекун: не он ей, а она ему помогает выпутываться из всяких, даже самых незначительных затруднений. От покровительства Мария незаметно переходит к тирании. Поль в восторге, что она такая разумная, бойкая, и охотно идет у нее на поводу, но порою, когда сестренка начинает чересчур помы-

---

¹³ Одна из сестер Наполеона I. (Прим. пер.)

кать им, он, выведенный из себя, осаживает ее. «Попридержи язык, малышка, – ласково прикрикивает он, – а то получишь у меня, не обрадуешься...»

Поль Сезанн. Мари Сезанн, сестра художника.

Революция 1848 года – Полю девять лет – смела Луи-Филиппа. Начало Второй республики совпало со смутным временем. Разразился кризис. Два неурожайных года – 1846 и 1847 – вызвали голод. Народ в Париже ропщет. А Луи-Огюст, тот, невзирая на водоворот событий, продолжает свое восхождение. 1 июня он открывает банк на улице Корделье, 24 (некоторое время спустя он будет переведен на улицу Булегон, 13). Для Луи-Огюста это решающий момент. В упорной погоне за деньгами он отказывает жене не только в какой бы то ни было роскоши, но даже просто в удобствах. Не для того ли, чтобы облегчить г-же Сезанн бремя хозяйственных забот, решено было поместить Поля полупансионером в школу Сен-Жозеф, расположенную близ церкви Сен-Мари-Мадлен? Вполне возможно.

Так или иначе, но в 1849 году Поль поступает в школу Сен-Жозеф. Для него начинается новая жизнь, однако он применяется к ней. Применяется ко всему. С ним всегда так: пусть будет как богу угодно. Богу и людям. Чем дальше бежит время, тем явственнее проступают черты его характера. Он ни в коей мере не борец, а если борется, то на свой лад: уступая и прячась в никому не ведомое и не доступное царство. Да и кто, по правде говоря, мог бы точно определить этот характер?

Поведение его зачастую кажется странным или по крайней мере неожиданным. Он слишком подвижен, наделен чересчур острой, почти болезненной восприимчивостью, чтобы можно было правильно понять его, одновременно такого шумного и робкого, равнодушного и страстного, нелюдимого и общительного – все в зависимости от обстоятельств, от смены настроения, различных вытесняющих друг друга впечатлений, какие он получает от живых существ и вещей. Он до такой степени поддается воздействию окружающей среды, что школьные учителя корят его за слабохарактерность. Но время от времени, пожалуй даже слишком часто, он вдруг, не помня себя от приступа необъяснимого гнева, как заупрямится, как встанет на дыбы!.. Совершенно непонятно, тем более что подобная несдержанность не мешает ему быть самым прилежным учеником. Своими успехами он обязан не столько выдающимся способностям, сколько усидчивости и умению работать систематически. Он, как говорится, звезд с неба не хватает.

Поль Сезанн. Портрет Анри Гаске.

После занятий Поль вместе с Филиппом Солари или с кем-нибудь из новых товарищей по пансиону, например с Анри Гаске, сыном булочника с улицы Ласепед, отправляется немного побродить; пошатавшись по эским улицам, носящим весьма выразительные названия: улица

Рифль-Рафль, улица Эскишо-Кудэ¹⁴, что все сильнее и сильнее притягивают его к себе, постояв у фонтанов, журчащих на каждом перекрестке, Поль возвращается домой, где его ждет семья: сестра, на которую он, невзирая на ее выходки, все больше и больше опирается, взбалмошная, но любящая и ласковая баловница-мать (может ли эта мать, в одинаковой мере робкая, застенчивая и мечтательная, не узнать себя в своем сыне) и отец, суровый, прижимистый, вечно погруженный в думы о все новых и новых финансовых операциях.

Уроки рисования в школе Сен-Жозеф изредка дает один испанский монах, неизвестно какими судьбами попавший сюда. На этих занятиях Поль прилежен не более чем всегда и везде. Правда, рисование – игра, которую он придумал себе в пять лет, – по-прежнему увлекает его. Г-жа Сезанн, легко предающаяся несбыточным мечтам, даже утверждает, что когда-нибудь Поль станет великим художником. За всю свою жизнь она ни разу не была в музее, не видела ни одной картины настоящего мастера; не беда! У нее есть свои неоспоримые основания так думать: зря, что ли, ее сыночка зовут Полем, как Рембрандта и Рубенса¹⁵.

Луи-Огюст обычно пропускает мимо ушей подобный вздор, а случайно прислушавшись, пожимает плечами и придает ему не большее значение, чем караибской генеалогии Жирардов.

Он, Луи-Огюст, «делает» деньги, все больше и больше денег. Что ни подвернется, все хорошо. Не подумайте, что, став банкиром, он пренебрегает мелкими барышами. Время от времени он скупает партию лежалых товаров, какие-то подержанные вещи, сортирует их и выгодно перепродает. Однажды, разбирая хлам, он наткнулся на коробочку акварели. Сбыть эти краски можно только любителю, но поиски его не окупятся стоимостью подобной безделушки. Лучше уж отнести их домой и подарить Полю. Пускай малюет в свое удовольствие.

Сезаннны выписывают «Магазэн Питтореск»¹⁶, широко распространенный в то время иллюстрированный сборник. В восторге от отцовского подарка, Поль Сезанн старательно раскрашивает в этом сборнике все картинки.

---

¹⁴ Улица, «где не расставишь локтей»: такая она узкая.

¹⁵ Она пугает: имя Рембрандта – Харменс.

¹⁶ Лет десять спустя «Магазэн Питтореск» даст пищу воображению другого мальчика, Артюра Рембо

II. Коллеж и дружба

*Ты помнишь? Шестнадцать было нам, акации цвели, луна
сребрилась, в ее голубизне таинственно мерцал собор Сен-Жан.
Поль Сезанн*

Образование сына банкира не может завершиться школой Сен-Жозеф: одно лишь учебное заведение в Эксе достойно его будущего поприща – закрытый коллеж Бурбон, где учатся сыновья всех добропорядочных семейств. В октябре 1852 года тринадцатилетний Поль поступает в шестой класс этого коллежа.

Новая перемена жизни его ничуть не огорчает. Пребывание в закрытом учебном заведении – пытка для многих мальчиков, но не для него: он спокойно мирится с тем, что за ним захлопываются двери пансиона-тюрьмы, и равнодушно облачается в форму, которая как бы говорит – конец твоей свободе, – в суконную форму, синюю, с красным кантом, украшенную по воротнику золотыми пальмовыми ветвями.

А между тем тут, в коллеже Бурбон, не так уж весело. Это громадное старое, порядком обветшалое здание бывшего монастыря, переоборудованное под коллеж, выходит своим внушительным длинным фасадом, облицованным серым камнем, на улицу Кардинал. Здесь темно. Здесь уныло. А главное, здесь сыро. В классах первого этажа со стен постоянно течет. В темной часовне – говорят, это творение Пюже, – затхлый запах плесени примешивается к вкрадчивому благовонию ладана. От грязной посуды и подгорелого сала в столовой стоит вонь и чад. Все это, конечно, мало привлекательно. Поль здесь не засиживается. Зато как хороши оба двора, осененные платанами, и большой заросший пруд. Не велика беда, что вода под зеленой ряской не слишком прозрачна. Дружелюбным взглядом провожает Поль бесшумно скользящих по коридорам монахинь, хозяек бельевой и лазарета.

Из окон более светлых классов второго этажа взор украдкой скользит по соседним садам, откуда, порою, в светлые ночи доносятся тонкие, как звуки свирели, рулады жабы, славящей луну.

Поль учится.

Он учится, как всегда, спокойно, усидчиво и старательно, без особого пристрастия к какому бы то ни было предмету. Одинаково прилежно решает задачи, зубрит историю и переводит с латинского. Пожалуй, несколько большую склонность он питает к латыни; не потому ли, что этот язык воплощает в себе прошлое – всегда столь живое и живучее в Провансе – и прошлое достоверное? Вполне возможно. Но у Поля отличные отметки и по арифметике: очевидно, сказываются способности, унаследованные от отца. Кто-кто, а этот прилежный ученик, всегда один из первых, несомненно, станет человеком, если будет продолжать в том же духе; а почему бы ему не продолжать?

Исправность, с какой Поль выполняет свои школьные обязанности, позволяет думать, что внутренние противоречия, когда-то проявлявшиеся в его поступках, сгладились. Дома отец так часто притеснял Поля, бывал с ним так груб, мальчик до такой степени привык в его присутствии не раскрывать рта, что дружба с товарищами по коллежу должна была бы способствовать разрядке нервного напряжения и расцвету всех его душевных сил. Ничего подобного. Неровность его характера вскоре снова дает себя знать. В отношениях с одноклассниками ему не хватает естественности. Его сковывает непреодолимая застенчивость. А временами он вдруг как вспыхнет, как на шумит! Стоит кому-нибудь случайно коснуться его, и он прямо-таки подпрыгивает на месте. Он действительно в постоянном паническом страхе, как бы кто не дотронулся до него. Однажды какой-то мальчишка, съезжая по перилам лестницы, по которой в это время спускался Поль, неожиданно изо всех сил двинул его ногой. С тех пор Сезанн страдает боязнью

прикосновения, с тех пор, не доверяя людям, он опасается подвоха с их стороны. Обостренная чувствительность, по-видимому. У него и в помине нет здоровой уравновешенности и веселой, насмешливой презрительности отца!

Луи-Огюст, которому богатство придало апломб, встречает грубоватыми шуточками все доходящие до него слухи о хорошо известных ему самому злобных выпадах завистливой эсккой буржуазии, всячески старающейся показать, до какой степени она пренебрегает им, не признает его. Поль лишен такой счастливой свободы в обращении с людьми: постоянно подавляя его своей могучей индивидуальностью, отец в конце концов убил в нем радость и стремление к независимости.

Этот запуганный мальчик болезненно горд: малейший укол самолюбия – и он сразу съживается, как стыдливая мимоза. Он страдает, хотя не признается себе в том, а может быть и вполне безотчетно, от своеобразного бойкота, какому подвергается его семья. В коллеже, как и за стенами его, Поль снова наталкивается на сословные перегородки. Есть тут сын г-на председателя апелляционного суда, есть сын г-на ректора и есть сын банкира Сезанна, того разбогатевшего торговца кроличьими шкурками, что наконец-то женился на своей сожительнице. И тут так же, как и дома, в присутствии отца, Поль молча замыкается в себе, бежит от горькой действительности: «Страшная штука жизнь!»

* * *

В одно время с Сезанном в коллеж Бурбон поступил еще новичок, только поступил он в восьмой класс¹⁷, то есть двумя классами ниже Поля, хотя моложе его этот мальчик всего лишь на год. Впрочем, он даже в восьмом, с трудом поспевая за классом, плетется в хвосте. Зовут его Эмилем, он единственный сын Франсуа Золя, того инженера, благодаря которому Экс вскоре перестанет в засушливые периоды страдать от недостатка воды¹⁸.

Едва Эмиль переступил порог коллежа, как все дружно объявили ему войну. И большие и маленькие, сплотившись, преследуют, изводят, ожесточенно нападают на него. За что? За многое. В двенадцать лет он всего лишь в восьмом классе; хоть он, пожалуй, и невелик ростом, а все же на целую голову выше многих своих учителей; большой да дурной, полный невежда. Обладай он по крайней мере безупречными манерами этакого благовоспитанного лодыря. Куда там! Вдобавок он еще близорук, этот олух; краснеет по пустякам, конфузится, как девчонка; сразу видно, что привык держаться за маменькину юбку; недаром каждый день в приемной коллежа его дожидаются две женщины – видимо, мать и бабушка: приходят полюбоваться на своего ангелочка. Кроме того – и это уже действительно «серьезное обвинение», – Эмиль не уроженец Экса; он чужак, «франк», Парижанин, и говорит на каком-то чудном языке – что за уморительный акцент! Ко всему у него еще дефект речи, он произносит «колбата» вместе «колбаса». И наконец, верх преступления, он беден. Живет в каком-то невообразимом доме, где-то у черта на куличках, у самого Пон-де-Беро, в диковинном поселке, среди цыган, ветошников и всякой голи перекатной. Впрочем, нет. Семья Эмиля там больше не живет. С тех пор как он поступил в коллеж, Золя снова переехали, теперь уже на улицу Бельгард, что не только не лучше, но даже хуже. Кто же не знает, почему не сидится на месте этим Золя: каждый раз, как они меняют квартиру, у них становится одной комнатой меньше, следовательно, и платят они меньше; коли так пойдет и дальше, они в конце концов переберутся в подвал. Нужда действительно свила себе у них прочное гнездо; последние пять лет, то есть со дня смерти инженера Золя, кредиторы обрывают им звонки. Эмиль – Парижанин, краснеющий балбес, к тому же еще и сирота – единственная вина, которую ему, так и быть, прощают. Над ним по край-

---

¹⁷ Во французских школах принят обратный счет классам. (Прим. пер.)

¹⁸ Эмиль Золя родился в Париже 2 апреля 1840 года.

ней мере можно всласть покуражиться, ведь он беззащитен: две втянутые в запутанную тяжбу женщины, что приходят к Эмилю, вряд ли могут ему чем-нибудь помочь.

Эмиль Золя. Фотография.

Золя попытался было дать отпор своим многочисленным преследователям. Но где ему справиться со сворой осатанелых мальчишек? До этого времени он жил баловнем семьи, рос дичком, шатался, отлынивая от уроков, по улицам или вдоль Тирсы, речушки, вьющейся по Пон-де-Беро; этот добрый, тихий, мечтательный мальчик, нежный и великодушный, любит животных, растения, все живое. И надо же было упрятать его в этот мрачный коллеж! С горестным изумлением смотрит он на сорванцов, которые ожесточенно бросаются на него. Он отступает под ударами, думая только, как бы скрыться и, забившись в уголок, выплакать свое горе. Счастье, если все кончается тем, что, загнав его в самый конец второго двора, запрещают кому бы то ни было подходить к нему, к этому «прокаженному».

Не считает Эмиля таковым один-единственный человек в коллеже. А именно Поль. Хотя они учатся в разных классах, он старается время от времени перемолвиться с ним словечком. Этот Эмиль, «задумчивый страдалец», славный мальчик, «свой парень» – вот его, Поля, личное мнение. И это мнение – кто бы мог ждать от такого трусишки? – он подтвердил делом. Однажды, когда Эмиля вновь подвергли остракизму, Поль, в порыве рождающейся симпатии нарушил запрет и, подойдя к «отверженному», стал утешать его. Все сразу же обрушилось на Поля и давай его тузить; удары посыпались градом. И все же произошел раскол, отныне коллежу не идти больше стеной на одного.

На следующий день Эмиль Золя, растроганный до слез, приносит Полю Сезанну в знак благодарности большую корзину яблок. Дар признательности, дар, скрепляющий дружбу¹⁹.

* * *

Сезанн и Золя, сами того не ведая, открывают новую страницу жизни.

Благодаря Сезанну, своему неизменному заступнику, Золя уже не чувствует себя одиноким в этом ненавистном коллеже, который сразу перестает быть для него каторгой. Дружба Сезанна согревает Золя; она мирит дичка с положением пансионера. Больше того, школьные успехи друга возбуждают в нем желание учиться. Он нагоняет упущенное время и вскоре уже блистает в рядах первых учеников. В нем пробуждается честолюбие. Эмиль пишет. Он, который в семь с половиной лет не знал грамоты, начинает строчить исторический роман – плагиат «Истории Крестовых походов» Мишо. Привязанный к Сезанну узами нежной преданности, он в общении с другом вновь обретает свою восторженную откровенность.

И его пылкие чувства передаются Сезанну.

Доверчивая любовь Золя открывает перед Сезанном вселенную. Наконец-то Поль может выйти за тесные границы домашнего мирка. Вчера еще он прибегал за помощью к матери, находил опору у сестры. Сегодня Золя дарит ему нечто большее, чем опору, большее, чем прибежище: он увлекает его за собой в волшебное царство.

На переменах друзья не перестают болтать. Впечатления от книг – они ведь теперь читают запоем все, что ни попадет под руку, «детские сказки, объемистые приключенческие романы», которыми они потом неделями бредят, – переплетаются с личными воспоминаниями. Золя жил в Париже. Волнуясь, еле сдерживая слезы, вспоминает он отца, чья пестрая жизнь, с начала до конца похожая на роман, способна была воспламенить юное воображение.

До того как Франсуа Золя поселился в Провансе, где в пятьдесят два года умер, этот сын венецианки и грека с острова Корфу объехал всю Европу и даже побывал в Африке. Он учился в офицерской школе сперва в Павии, а затем в Модане, служил лейтенантом артиллерии в армии принца Евгения. Землемер, одно время занимавшийся составлением кадастра в Верхней Австрии, он в 1823 году работал на строительстве одной из первых в Европе железных дорог между Линцем и Бидвейсом. В 1830 году он принимал участие в борьбе с эпидемией холеры в Алжире, а через год он в том же городе вступил лейтенантом в Иностранный легион.

Вернувшись через какое-то время во Францию, он в Марселе представил план нового порта²⁰, в Париже изобрел транспортировочную машину и в течение ряда лет яростно ратовал за проведение в жизнь своего проекта плотины и канала в Эксе, где с этой целью ему удалось учредить общество с капиталом в шестьсот тысяч франков. И женился он также молниеносно на девятнадцатилетней девушке, которую в одно прекрасное воскресенье заприметил при выходе из церкви. Пылкий, безудержно страстный, склонный к смелым дерзаниям, Франсуа Золя был человеком 1830 года: истым романтиком. Сезанн слушает. В сравнении с этой яркой волшебной сказкой история жизни его отца, чей мерный и неуклонный подъем выражается лишь в цифрах, в каких-то отвлеченных знаках, кажется ему вдруг бесцветной, заурядной. До сей поры романтизм едва коснулся Экса, едва пробудил в этом погруженном в летаргию городе отзвук слабый, слабый, как шепот умирающей волны. И вот он, этот романтизм, внезапно возник перед Сезанном тут, на школьном дворе, во всей своей красочности, во всех своих крайностях и притягательной жизненной силе.

---

¹⁹ «Да, сезанновские яблоки не сегодня созрели!» – скажет, подмигнув, художник, вспоминая впоследствии это происшествие.

²⁰ Расположенного в Каталанской бухточке.

Впрочем, для Золя романтика – повседневность; приключения тут, за углом. Дни Золя не похожи на дни Сезанна, исполненные безмятежной неподвижности, почти оцепенения. Золя, не в пример Сезанну, не застрахован от превратностей жизни отцовским богатством. Инженер Золя умер, когда сыну его было семь лет. На всю жизнь запомнил Эмиль те страшные минуты. Не прошло еще и трех месяцев с начала работ по сооружению канала, как Франсуа Золя понадобилось съездить на двое суток в Марсель, где он заболел плевритом. На всю жизнь запомнил Эмиль номер в марсельской гостинице на улице Арбр, где отец его тщетно силился выиграть последнее сражение; на всю жизнь запомнил Эмиль это посиневшее лицо с запавшими ноздрями, эту маску смерти. Смерть – от одного этого слова его вновь, как пять лет назад, охватывает тяжелое, гнетущее чувство, и он вновь цепенеет от ужаса.

Начиная с того рокового часа его мать, бабушка и дедушка, втянутые в нескончаемые судебные процессы, преследуемые полчищем «шакалов»²¹, борются с одолевающей их нуждой. Но это банкротство тоже жизнь; но этот крах – логическое следствие приключений отца. В свободные от занятий дни Золя ведет Сезанна в места своих прежних прогулок. Бывает, что над самой головой у друзей со свистом пролетают камни – так ребята предместий встречают городских ребят. И хотя в те времена Сезанн и Золя не придавали никакого значения подобным происшествиям, однако они и через тридцать лет все еще вспоминают этот любезный прием.

Скоро наступят каникулы, и они отправятся бродить по окрестностям, обещает Золя. Начнутся новые открытия; с Золя открытиям нет ни конца ни края.

Немного времени спустя к Сезанну и Золя присоединяется третий товарищ, Батистен Байль. Он в шестом классе, как и Сезанн, хотя на два года младше его и на год младше Золя. Отличный парень этот Байль, уравновешенный, рассудительный. Ему не знакомы внезапные приливы чувствительности, вечно обуревающие обоих его приятелей; и натура у него не столь сложная: в отличие от Сезанна в нем вялость не сменяется возбуждением, в отличие от Золя в нем пыл не охлаждается скрытым беспокойством²². Но не все ли равно? Подстрекаемый примером, Байль хоть и несколько принужденно, однако вполне искренне вторит Сезанну и Золя; он разделяет их восторги, упивается теми же книгами и теми же мечтами. Три товарища – в коллеже их не замедлили прозвать «неразлучными» – клянутся друг другу в вечной дружбе. Она сплотит их на жизненном поприще, как сплотила в коллеже. Втроем они завоюют будущее, получат признание современников. Золя, именно бедняк Золя, куда больше, чем богатч Сезанн, уверен в их грядущей победе.

Трое неразлучных участвуют во всех неисчислимых проделках, какими ученики коллежа пытаются разнообразить монотонную жизнь интерната; не отставая от товарищей, подтрунивают они над Носатым – длинноносым инспектором, над Радамантом – учителем, который никогда не улыбается, над учителем физики, «легендарным рогоносцем», прозванным «Ты мне изменила-Адель», над классным наставником, корсиканцем Спонтини, который показывает желающим свою вендетту – кинжал, заржавевший от крови трех убитых им двоюродных братьев, и над двумя уродцами – кухонными заправилами – поваренком Параболоидом и судомойкой Параллелью.

И все же, несмотря ни на что, в отношениях неразлучных с однокашниками остается прежняя отчужденность. Их сверстники плывут себе изо дня в день по течению; и мечтать они не способны, не то что Сезанн, Золя и Байль – эти поэты! Своими запросами, своей упоенностью они так отличаются от всех, что даже несколько изумляют товарищей.

²¹ Цитируемые в этой главе отдельные слова и обрывки фраз почти все принадлежат Золя.

²² Это беспокойство, во многом сходное с сезанновской боязнью прикосновения, несомненно, результат пережитого у гроба отца, но, возможно, и следствие того забытого самим Золя обстоятельства, память о котором, вероятно, осела где-то в самых сокровенных тайниках его души: в 1845 году родители его вынуждены были выставить из своего дома слугу – двенадцатилетнего арабчонка, покушавшегося на целомудрие пятилетнего Эмиля.

Надо сказать, что дружба не только не отвлекает неразлучных от занятий, а наоборот: они теперь еще лучше учатся, потому что бешено соревнуются между собой.

10 августа, день выдачи наград, становится для них днем триумфа. Особенно для Золя: он берет награду за наградой; ему даже посчастливилось получить похвальный лист; с осени этот «неуч», в начале года казавшийся безнадежным, минуя один класс, пойдет прямо в шестой²³.

Летнее солнце затопляет Экскую долину. Неразлучные пристрастились к воде. Плавать они научились в мутном бассейне коллежа и теперь, пользуясь каникулами, спешат поскорее выбраться на южную окраину города, где в лощине, среди лугов петляет небольшая речка Арка. Они проводят там нагишом долгие-долгие часы, барахтаются в воде, преследуют лягушек и в поисках угрей, мастеров прятаться в укромных местах, ныряют на дно ям – «обманок», как зовут их в том краю; едва обсохнув на горячем песке, они тут же снова ныряют или же отдыхают у самой воды, подложив под голову пласт дерна. Этот поток воды и света чарует их; они наслаждаются им, ликуя, как язычники.

Порою, оставив берега Арки, они идут знакомиться с более отдаленными окрестностями. Золя всегда любил экскую природу, нагромождение ее вздыбленных холмов, ее сосны, шум которых перекликается с пронзительным стрекотанием цикад, ее оливы и кипарисы, придающие пейзажу оттенок мечтательности. Именно он, «франк», чужак, прививает друзьям любовь к этой раскаленной невозмутимо спокойной земле, к этому краю наползающих друг на друга хребтов, где вершины гор бросают в небо окаменелый вопль своих громад, вопль, который, постепенно слабея, замирает в задумчивой неизмеримой беспредельности.

Волшебные каникулы! После них холодной кажется вдруг Сезанну квартира в доме № 14 по улице Матерой – в двух шагах от банка, – куда, стремясь к большему комфорту, переехали его родители. 1 сентября Луи-Огюст возобновляет договор, связывающий его с Кабассолем. Оба компаньона, все такие же предприимчивые, как и в первый день их совместной работы, – черствость их, возведенная в принцип, время от времени несколько умеряется тщательно продуманным благородным жестом – отлично спелись. Дела их принимают все более и более широкий размах. Убытки – они их не знали и не знают. Да и кто мог бы обвести вокруг пальца таких дельцов? Поистине еще не родился на свет подобный плут. В Эксе рассказывают о следующем анекдотичном случае: один марселец, которому компаньоны дали крупную ссуду, вследствие своей расточительности однажды оказался на грани банкротства. Неужели наши ловкачи проморгают свои денежки? Как бы не так! Не теряя ни минуты, Луи-Огюст мчится в Марсель, по-хозяйски располагаясь в доме своего должника, берет в руки бразды правления и до минимума сокращает расходы. Вряд ли такое домашнее диктаторство было приятно злополучному заемщику; но он не остался внакладе, по крайней мере получил возможность поправить подорванные дела и вернуть долг банку «Сезанн и Кабассоль», с процентами разумеется.

Поль Сезанн, чья душа еще ослеплена солнцем и игрой света на гребнях скал и в водоворотях реки, Поль Сезанн, первый ученик по арифметике, слушает и не слышит, как Луи-Огюст сыплет цифрами и словами: ссуда, контракт, дисконт – деньги.

С самого начала учебного года Сезанн и Байль сразу же выходят на первое место среди учеников пятого класса; Золя, принимая во внимание, что он миновал класс, тоже делает значительные успехи. Но, невзлюбив учителя словесности, об с прохладцей относится к древним языкам, предпочитая им естественные науки. Во всем остальном неразлучные всегда на первом месте, даже в законе божьем, в чем Золя, настоящий фанатик, берет верх над Сезанном, чья душа полна чистосердечной, несколько простодушной веры (первое причастие, принятое им еще в школе Сен-Жозеф, навсегда останется для него одним из самых сильных впечатлений детства). Ах да, есть один предмет, по которому Сезанн получает лишь посредственные

---

²³ Сезанн тоже получил первую награду за перевод с латинского, вторую – за историю и географию и, что должно радовать его отца, первую – за арифметику.

баллы: в пятом классе учат рисовать карандашом и красками, но Поля, когда-то с удовольствием размалевывавшего «Магазэн Питтореск», это сейчас не слишком увлекает. За что отец, надо думать, не взыщет с него.

Сезанн ничуть не меняется. Возраст (ему вот-вот исполнится пятнадцать лет) не внес поправок в его неровный характер. На него по-прежнему находит упрямство, минуты упадка, когда он полусерьезно, полуплутиливо восклицает: «Беспросветно мое будущее!» Его тяжелый характер не раз, и всегда по поводам, не стоящим выеденного яйца, ставит под удар дружбу неразлучных; ей бы и пришел конец, если бы не изворотливость дипломата Золя, который не может жить без этой дружбы; она необходима ему, как воздух, и он служит ей, словно божеству – целиком и полностью.

При всей общности склонностей трое неразлучных, однако, сильно разнятся друг от друга. Это хорошо видно по их подходу к занятиям. Байль – типичный зубрила, за него можно не волноваться: такие всегда успешно сдают все экзамены. Сезанн не менее Байля прилежен, но несобран; зато более глубок. Он налегает на все предметы с усердием «почти болезненным»²⁴, а когда овладевает ими, они при его исключительной памяти навсегда запечатляются у него в мозгу. Золя же, очень точный и аккуратный в отношении своих школьных обязанностей, тем не менее уделяет им ровно столько времени, сколько положено. Для него задание есть задание: только выполнив его, можно со спокойной совестью заняться чем-то другим, иначе он не чувствует себя свободным.

В марте 1854 года покой Экса нарушают отголоски одного отдаленного события. Прошло уже два с небольшим года, как в ночь с 1 на 2 декабря 1851 года Луи-Наполеон Бонапарт совершил государственный переворот; сейчас он начал Крымскую кампанию. Французские войска, отправляемые морем на восток, проходят через Экс; каждый день в течение многих недель сюда прибывают все новые и новые полки. Ну и сутолока! Небывалая для такого небольшого города! Он, по правде говоря, весьма негостеприимно встречает всех этих вояк. Солдат, который, «сидя на тротуаре с ордером на право постоя в руке, плачет от усталости и досады», – здесь зрелище частое. Только вмешательство властей может сломить упорство аристократов, коммерсантов, мелких рантье, не желающих предоставить кров военным. Зато школьники устраивают им овации. Мальчишкам не сидится на месте. Классы бурлят. Ребятам ничто на ум не идет в эти дни, когда по городским улицам, неожиданно ставшим праздничными, под торжественные звуки фанфар во всей красе сверкающих мундиров колонна за колонной дефилируют кирасиры, уланы, драгуны, гусары. Приходящие ученики встают в четыре часа утра, чтобы, забросив ранцы за спину, пройти в ногу с полками несколько километров по дороге в Марсель. В пылу увлечения они иногда опаздывают к началу занятий и тогда и вовсе не идут в коллеж. Школьники окончательно отбились от рук. Самое время отпустить их на каникулы.

Байль получил первую награду, Сезанн – вторую²⁵. На второе место в своем классе вышел Золя; ему к тому же дали стипендию. Стипендия эта до какой-то степени поможет его матери свести концы с концами (с улицы Бельгард Золя переехали на улицу Ру-Альферон), а ему позволит отдалиться летним развлечениям с радостью, если не с безграничной, то хотя бы более самозабвенной.

---

²⁴ Иоахим Гаске.

²⁵ У Сезанна первая награда за перевод с латинского, вторая – за перевод с греческого; почетный отзыв за историю и арифметику, а также похвальный лист за живопись (по рисованию он не аттестован).

Франц Ксавье Винтерхальтер. Портрет Луи Наполеона Бонапарта (Наполеона III).

Сезанн унес домой свои награды – маленькие томики в синих полотняных переплетах. Несколько недель тому назад, точнее 30 июня, у него родилась сестренка Роза. Она плачет и кричит на весь дом. Но Сезанн не засиживается на улице Матерон. Неразлучные постоянно где-то носятся. Купание в Арке они чередуют с прогулками по окрестностям. Так как в этом году закончилось строительство плотины, запроектированной отцом Эмиля, то посещение ее, естественно, стало излюбленной целью их походов. А для Золя еще и своеобразным паломничеством.

Вот почему неразлучные чаще всего отправляются на запад, по пыльной дороге, ведущей в Толоне. Несколько домов, в большинстве своем жалкие строения, сложенные из камня, лишь кое-где скрепленного каплей известкового раствора, да церковь, «похожая на заброшенную овчарню», – вот и весь Толоне; но яркие лучи солнца золотят эти лачуги, а могучие, почтенные платаны придают селению какую-то удивительную величавость. Кругом, куда ни кинешь взгляд, краснозем; земля эта, гласит легенда, уже два тысячелетия не перестает сочиться кровью ста тысяч варваров, которые, спустившись с берегов Балтики, нашли здесь смерть в столкновении с легионерами. К северу от селения, в дикой каменистой пустыне – край выжженных холмов, ломаных рельефов, колючих кустарников, душистых трав, которые под лучами томительно-знойного солнца источают одуряющий аромат, – разверзаются те Инфернетские ущелья.

ля, где и сооружена толонетская плотина. И по всему необъятному пространству бегут козы тропы.

Часто неразлучные по лесистому склону взбираются на вершину холма, где от жары потрескивают сосны, где стрекочут сотни цикад, где на самом краю дороги высится какое-то незаконченное строение, причудливое, с готическими окнами, – Черный замок, или Чертов замок, зовут его в народе; говорят, один любитель химии некогда производил здесь всякие подозрительные опыты. Оттуда неразлучные поднимаются к возвышающейся над плотиной каменоломне Бибемю.

На протяжении сотен лет карьер Бибемю снабжает камнем Экс: все его бесчисленные дома сложены из этого красивого желтого, как бы одушевленного, камня. Вся скала в глубоких пещерах, в расселины между глыбами горных пород незаметно прокрались деревья. Своеобразие рельефа, игра светотени, изменчивое отражение листвы на горячих камнях, отражение, которое то дробится, то сливается в один тончайший отсвет, подчас превращают каменоломню в мощное творение неведомого зодчего. Здесь строго скомпонованные и абсолютно точно пригнанные друг к другу плоскости заново перекраиваются, перекрещиваются, напластовываются, образуя единое, величественное, полное лиризма целое. С этих высот взору неразлучных открывается необъятная панорама – виноградники среди краснозема, луга по обоим берегам Арки, Инфернетские ущелья, где гребень плотины врезается в гладь неподвижного маленького моря, раскинувшегося на полутора гектарах; а вдали клубятся холмы, и встают иссиня-серые цепи Сент-Бом и Этуаль; здесь же, совсем рядом, в прозрачном воздухе всплывает голубоватый, словно светящийся изнутри конус Сент-Виктуар и торжественно высятся известковые кручи обрывистого берега; у подножия его, точно полчища варваров, набегая, разбиваются волны прибоя.

Есть ли еще где-нибудь на свете места, которые могли бы, подобно этой огромной пустыне, дать неразлучным столько восхитительных впечатлений. Изо дня в день возвращаются они сюда и никогда не устают карабкаться по козым тропам, где из-под ног вырываются камни, никогда не устают молча слушать беззвучную песнь этой земли. Город для них внезапно теряет свой блеск, пошлыми кажутся им дела тех, кто населяет его. Здесь в уединении они чувствуют себя оторванными от мира отшельниками. Им бы хотелось... а чего, собственно? Они и сами не знают. От смутных грез и неосознанных желаний их лихорадит. Они упиваются поэзией, громко наперебой декламируют, и звонкие рифмы, подхваченные эхом, разносятся по окрестностям. Вернувшись в Экс, они избегают встреч, сторонятся товарищей, которые, корча из себя взрослых мужчин, фланируют по Бульвару и, поравнявшись с девочками, раздражаются деланным смехом.

Все это противно неразлучным. Им бы только гулять на вольном воздухе, взбираться на горы, весело плескаться в реке. В иные дни, собравшись у Байля, они, крадучись, поднимаются на четвертый этаж и запираются в мансарде; это просторное, освещенное широким окном помещение набито разным хламом, какой можно найти на любом чердаке: продавленные стулья, кипы старых газет, колченогая мебель, смятые, растоптанные гравюры. Но мальчики превратили этот чулан в никому не ведомое царство. Не переставая отщипывать виноградники от подвешенных к потолку гроздей, они часами читают, пытаются сочинять стихи или же перерывают в ретортах какие-то диковинные химические соединения. Для счастья неразлучным не нужно ничего, кроме воображения. Вечерами они бродят по тихим, глухим закоулкам, где меж камнями мостовой пробивается трава. Керосиновые фонари заливают мягким светом фасады старых домов. Все безмолвствует. Где-то журчит фонтан – единственный звук, оживляющий мертвую тишину ночи. Все безмолвствует, но все говорит их сердцу. Таинственно мерцает весь голубой в лунном свете готический портал собора Сен-Шан. Как богата жизнь, вот эта жизнь, такая простая, такая полная!

* * *

Сезанну шестнадцать лет, Золя пятнадцать, Байлю четырнадцать. Для неразлучных наступил или вот-вот наступит переходный возраст. Они мужают, в связи с чем в них происходят большие душевные сдвиги, однако внешне все у них, казалось бы, идет без изменений. Размеренно течет школьная жизнь, учение чередуется с каникулами. Лишь чувства свои неразлучные порою изливают более бурно.

Бурно – это, пожалуй, мягко сказано!

Нет, каково? Сезанн и Золя недавно объединились со своим однокашником Маргери и сообща организовали оркестр. Маргери, довольно бесцветный и до глупости самовлюбленный паренек, подкупает неразлучных обескураживающей наивностью. Что ж! Зато Маргери тоже кропает вирши. А может быть, оркестр лишь предлог поднять еще больший содом?

Будь это не так, Сезанна вряд ли соблазнила бы перспектива играть в оркестре, где он исполняет партию второго корнета-пистона, Маргери – первого корнета, а Золя – кларнета. И отнюдь не потому, что Сезанн не любит музыки, просто у него нет тяги к исполнительской деятельности. По настоянию родителей, для которых музыка своего рода общественная повинность (Марию обучают игре на пианино), он берет уроки у Понсе, хормейстера и органиста собора Сен-Совер: во время занятий его не столько хвалят, сколько бьют по рукам. Но оркестр – все же удачная затея, тем более что благодаря ему трое единомышленников пользуются своеобразной льготой: «на всех торжествах» они первые. Возвращается ли в Экс чиновник, награжденный в Париже орденом Почетного легиона, им поручается встретить его торжественным тушем. Пронесут ли по городу статуи «святых, ниспосылающих дождь, или мадонн, исцеляющих от холеры», опять-таки их призывают поддержать всенародное молебствие несколькими весьма прочувствованными нотами. Два-три пирожных каждому – и они вознаграждены за труд. Но уместно ли здесь говорить о труде? Ведь они так рады случаю потрубить во всю силу легких.

Праздник тела господня сулит им бесценные удовольствия. Целую неделю напролет весь город ликует. Целую неделю напролет по мощеным улицам между тротуаров, заставленных рядами стульев, нескончаемой цепью тянется процессия за процессией. Со всех окон свешиваются разноцветные ткани. Целую неделю, замыкая шествие – алтарь под красным бархатным балдахинном, вереницы монахов и монашек, кортеж девушек в белом, колонна кающихся в синих саржевых рясах с остроконечными капюшонами, наглухо закрывающими лицо и лишь с двумя прорезями для глаз, – Сезанн, Золя и Маргери наперебой дуют в трубы, топчут цветы дрока и лепестки роз, которыми дети, бегущие впереди процессии, усыпают ее путь.

Однако участие в этих шумных празднествах вряд ли может удовлетворить Сезанна и Золя. В них играет кровь. Они охвачены возбуждением. Но Сезанн и Золя не из тех, кто осмеливается заговаривать на Бульваре с девицами. Нет, они ни за что не пойдут по такому пути. А могли бы они, если б захотели? Неразлучным стыдно признаться, что их парализуют робость и застенчивость. Они шумят, чтобы забыться, кричат, чтобы не прислушиваться к себе. Время от времени друзья, для пущей солидности очевидно, отправляются ночью исполнять на корнет-а-пистоне и кларнете серенаду в честь одной хорошенькой девушки и под этим предлогом поднимают под ее окнами адский шум. У красавицы есть попугай; обезумев от этой какофонии, он надрывно, пронзительно вопит; весь квартал в смятении – вой, визг, проклятия. И смех Сезанна и Золя. Однако смеяться не значит ли подчас бежать от самого себя?

Бежать от самого себя, но почему же? Сезанн и Золя по-прежнему прекрасно учатся. При первой возможности уходят далеко за город. Они охотники до всяких шумных затей, запоем читают, запоем пишут стихи. Короче говоря, с виду они веселы и беспечны. И все же в иные минуты радость эту заглушает гнетущая тоска; беспечность нередко сменяется внезап-

ным наплывом грусти. Им как-то не по себе. Безотчетная тревога обуревают их. «Страшная штука жизнь!» – твердит Сезанн.

С презрительной жалостью смотрят Сезанн и Золя, как товарищи их заходят в кафе и, «обтирая рукавами школьной формы мраморные доски столиков», играют в карты на угощение. Друзья негодуют, запальчиво выражают свое неодобрение, в великолепном порыве гордости заявляют, что никогда не погрязнут в трясине житейской обыденности. Упоенные дружбой и мечтами о будущем – они предаются им вместе с Байлем, – неразлучные в пылу увлечения шепчут красоте, славе и поэзии магические слова: «Сезам, откройся». Заучивая наизусть целые действия из «Эрнани» и «Рюи Блаза», они в летние дни на берегу реки читают их, подавая друг другу реплики. Эти «роскошные видения», этот «разгул» фантазии повергают их в дрожь, в испущенный восторг. Близится вечер, пора уходить. Безмолвно, словно замороженные, смотрят они, как за руинами садится солнце; и жизнь видится им в ослепительном и неверном свете огней феерического апофеоза.

* * *

13 августа 1856 года, в день раздачи наград – на сей раз он проходит с особой помпой ввиду присутствия епископов Экса и Дижона, – для Сезанна и Золя кончается их интернатская жизнь. Отныне они будут приходящими учениками коллежа. Байль, тот – увы! – еще останется пансионером. Сезанн (так же как и Байль) закончил третий класс, Золя – четвертый. Они увенчаны лаврами, Поль и Эмиль получили похвальные листы. Сезанн, с головокружительной быстротой сочиняющий как латинские, так и французские стихи (этот ловкач за два секунды угодливо мигом накапает сотню латинских стихов), в древних языках заткнул обоим друзей за пояс. Зато в рисовании Сезанн потерпел фиаско; в то время как Байль получает первую награду, а Золя – вторую, ему не перепадает даже самого заваливающего похвального листа.

Сезанн и Золя бесконечно счастливы: кончилось их заточение в четырех стенах. Отныне и в каникулы и в учебное время они целиком принадлежат себе. Летом каждый день, а в школьные месяцы каждое воскресенье они, забыв обо всем, кроме своей беспредельной мечты, уходят из города, витая мыслью в пурпурно-золотых облаках. Уходя все дальше и дальше в своих странствиях, они по крутым склонам взбираются на гору Сент-Виктуар и, побродив по краю сдвоенной воронки бездонного карстового провала, спускаются на Рокфавурскую дорогу и шагают по ней сперва до Галисского замка: его парк – сущий рай, «paradou» утопает в цветах, потом дальше по направлению к Гарданне – живописному местечку, где дома громоздятся по ступенчатому склону пригорка, увенчанного старой колокольной; оттуда – до Пилон дю Руа, этого доломитового столба, который горная цепь Этуаль извергла из глубины своих недр, затем, продолжая путь все дальше и дальше на юг, доходят, наконец, до самого Эстака, до тех диких, обрывистых, развороченных, подточенных прибоем и ветрами берегов, до тех красных утесов, где сосны, цепляясь корнями за камни и уходя вершинами в пустоту, кажется, висят в воздухе между лазурно-голубым небом и кобальтово-синим морем, а на остриях их игл яркий свет высекает ядовито-зеленые искры.

Поль Сезанн. Гора Сент-Виктуар.

В четыре часа утра (кто встает первый, будит другого, бросив два-три камешка в закрытое ставнями окно) друзья пускаются в путь-дорогу, с каждым разом стремясь уйти подальше и принуждая себя ходить подольше, наслаждаются этими все более и более длительными прогулками, доводящими их до такого изнеможения, что, когда вечером они входят в Экс, сияя тупой, блаженной улыбкой усталости, ноги отказываются им служить, и только «сила, которой они набрались», да какая-нибудь поэма Гюго подстегивают их слабеющую энергию и заставляют шагать в такт стихам, «звонким, как звуки трубы».

Летом к ним, конечно, присоединяется Байль. Но он теперь «отяжелел и обмяк, как всякий прилежный зубрила»; он даже слегка задыхается, изо всех сил стараясь не отставать от старших товарищей. Иногда неразлучные берут с собой еще кого-нибудь, например Филиппа Солари, Мариуса Ру – Золя познакомился с ним давно, еще до поступления в коллеж (они учились вместе в небольшом пансионе Нотр-Дам) – или же Изидора, младшего брата Байля, мальчишку лет десяти, которому они оказывают величайшую честь, доверяя ему заплечный мешок. Однако неразлучные предпочитают быть втроем. Своей дружбой они навсегда отгораживаются от всех. Для них горные вылазки не только физическая разрядка, но и в полном смысле слова бегство от людей, широкое символическое отрицание города и цивилизации – ах, как романтична эта поза а-ля Жан-Жак! Им случается читать «стихи под проливным дождем», потому что «из ненависти к городу они не желают укрыться в нем». Среди множества планов, которые они строят, один особенно прельщает их: «взяв с собой не более пяти-шести книг, поселиться на берегу Арки и, по целым дням не вылезая из воды, жить в свое удовольствие, как живут дикари».

Как-то вечером с наступлением темноты неразлучные даже решили заночевать в пещере. Они приготовили себе ложе из травы, смешанной с тимьяном и лавандой. Не успели они улечься, как на беду поднялся сильный ветер. Он выл и свистел в расселинах скал, проникал

в пещеру и гудел словно кузнечный горн. В матовом свете луны над головами неразлучных кружили испуганные летучие мыши. До сна ли тут? Приятели уже пожалели, что они не дома. Около двух часов пополуночи друзья, не выдержав испытания, бросили свой романтический приют; однако, прежде чем спуститься в город, они не отказали себе в удовольствии устроить иллюминацию и подожгли свое легковоспламеняющееся травянистое ложе; столб душистого пламени, потрескивая, взвился в сумрак ночи, а вокруг «с мяуканьем шекспировских ведьм»²⁶ вихрем носились летучие мыши.

Теперь и осенью у неразлучных есть предлог для странствий – охота. Край этот отнюдь не изобилует дичью: ни зайцев, ни куропаток; иногда, крайне редко – кролик; охотники наши отыгрываются на дроздах, жаворонках и зябликах. Да и что общего, по правде говоря, у неразлучных с охотниками – ружья и ягдташи? За день приятели проходят десятки лье, ни разу не выстрелив. Золя – «друг животных», а Сезанну душа не позволяет пустить в ход прекрасный самострел, подарок отца, и против кого? – против малых птах. Чаще всего неразлучные всаживают пулю за пулей в столб: просто так, ради удовольствия пострелять. Поэтому, едва завидев «родник, четыре ивы, бросающие серые пятна тени на ослепительно яркую землю», они оставляют в покое птиц и заводят речь о любви.

Любовь? О поэты! Ведь они, эти мальчики – одному восемнадцать, второму семнадцать, третьему шестнадцать, – даже женщину изгнали из своего идеального города. Женщина, да они боятся ее. Но выдают парализующую их робость за «пуританство чудо-мальчиков», а сами фантазируют, лелеют мечту о «мимолетных встречах с незнакомками где-нибудь в пути, о девушках редкой красоты, которые внезапно предстали бы перед ними в неведомом лесу и, самозабвенно отдавшись им, с наступлением сумерек растаяли, как тени». Пусть в ягдташе нет дичи, зато головы полны грез; к тому же ягдташ набит книгами, и они населяют роскошными видениями отшельничество трех неразлучных.

Как-то раз один из них извлек на свет затесавшийся между пороховницами и коробками пистонов томик неизвестного им поэта, чье имя – Альфред де Мюссе – учителя обошли молчанием. И сразу же блеск Гюго померк для неразлучных. Они больше не расстаются с Мюссе. Читают и перечитывают его стихи. Насмешливый романтизм Мюссе, «его дерзость гениального мальчишки», его скептицизм, его вызов кажутся им сродни, а его стенания и подавно. Поэзия Мюссе становится их «религией». И мог ли не растрогать неразлучных Мюссе, чей скорбный крик «выразил отчаяние века»? Голосом, дрожащим от волнения и слез, они неустанно повторяют горькие строфы, те «ширококрылые строфы, что с шумом уносятся вдаль».

---

²⁶ Поль Алексис, Эмиль Золя, записки друга.

Шарль Ландель. Портрет Альфреда де Мюссе.

Волшебный мир поэзии! Неразлучные наперебой сочиняют стихи. Золя задумал даже написать большую поэму в трех песнях «Цепь поколений» – всеобъемлющую историю человечества, которая охватила бы сразу его прошлое, настоящее и будущее. Он, Золя, станет поэтом. И Сезанн тоже. И Байль тоже. Все трое станут поэтами. Чуждые мелочных стремлений, они будут жить в стороне от всех, вдали от людской злобы и глупости. Будут писать, познают славу и любовь. В один прекрасный день они нагрянут в Париж и завоюют его. В один прекрасный день к ним придет чистая, нетронутая любовь и утолит их жажду идеала. Книги закрыты. Золя лежит в траве на берегу реки и, устремив блуждающий взор в небо, изливает душу. Женщина, да, но он хотел бы, чтобы она была «как полевой цветок, что весь в росе распускается на ветру», чтобы тело и душа ее были подобны «водяной лилии, омываемой вечным потоком»; он клянется «полюбить лишь девственницу, целомудренное дитя, чья душа белее снега, прозрачней ключевой воды, а по чистоте своей глубже и беспредельнее неба и моря».

Молча слушают его Сезанн и Байль, следя глазами за тающим в вечернем воздухе дымком их первых в жизни трубок.

* * *

В 1825 году, то есть примерно лет тридцать назад, город Экс приобрел бывшую часовню Мальтийского рыцарского ордена иоаннитов. Здание это было отведено под городской музей, туда же перевели и школу рисования, которая щедротами герцога Вилларского существует с конца XVIII века, точнее с 1766 года.

Школа эта бесплатная. Преподают в ней хранитель музея Жозеф Жибер, человек лет под пятьдесят²⁷, художник-портретист, воспитанный в строжайших академических традициях; он пишет преимущественно церковников, генералов да испанских инфантов; высшие министерские чины тоже достаивают его своими заказами. У него учится много молодежи, в том числе и добряк Филипп Солари, готовящийся стать скульптором. К нему не замедлил присоединиться и Сезанн; он ходит на вечерние занятия.

Луи-Огюст не считал нужным противиться желанию сына посещать эту школу. Рисование, живопись в такой же мере, как и музыка, – это те изящные искусства, какими дети богатых людей вправе скрашивать свой досуг. Мария Сезанн и та рисует маленькие акварели. Пусть Поль, раз это доставляет ему удовольствие, сидит после коллежа взаперти в бывшей часовне мальтийцев под неусыпным надзором Жибера: так лучше, в тысячу раз лучше, нежели бегать по кафе или за первой встречной юбкой.

В школе рисования Сезанн оказывается в совершенно новой для него среде. Большинство молодых людей, с которыми он там встречается, готовятся к различным художественным профессиям. Многие хотят стать живописцами, как, например, Огюст²⁸, брат скульптора Франсуа Трюфема, или сын бедного сапожника Нума Кост²⁹ – он на два с половиной года моложе Сезанна; посещая бесплатную школу отцов-иезуитов, Кост по мере возможности занимается еще и самообразованием. Сезанн быстро сходится с ним и с великовозрастным верзилой Жозефом Вильевье³⁰, который на целых десять лет старше его и уже работает в области прикладного искусства; благонамеренный мещанин по своим вкусам, он в ранней юности учился у Гране – того самого Гране, который был другом Энгра. Завязывает Сезанн знакомство и с семнадцатилетним Жозефом Гюо³¹, сыном резчика камей по камню и раковинам, ставшего впоследствии архитектором города Экса. Всесторонне одаренный, Жозеф Гюо в равной мере увлекается и театром, и живописью, и архитектурой; все в один голос предсказывают, что его ждет большое будущее, а может быть, и слава.

---

²⁷ Жибер родился в Эксе 23 апреля 1808 года.

²⁸ Огюст Трюфем родился в 1836 году.

²⁹ Нума Кост родился 28 августа 1843 года.

³⁰ Жозеф Вильевье родился 6 августа 1829 года.

³¹ Гюо родился 8 июля 1840 года.

Луи Ленен. Игроки в карты.

Время от времени Сезанн отправляется в музей полюбоваться картинами и статуями. Экский музей открыт с 1858 года. Вначале он располагал всего лишь несколькими разрозненными образцами античного искусства да полотнами Клериана, бывшего хранителя этого музея. Постепенно он пополнялся. В 1849 году Гране, умирая, завещал музею кое-какие свои работы и коллекции. Еще несколько таких завещаний и дарственных, и каталог разбух. Сезанн смотрит картины, в большинстве своем произведения малозначительных французских и итальянских художников XVII века – «tenebroși», – близких по своей беспокойной манере к Караваджо и художникам барокко. Подолгу простаивает он перед картиной «Игроки в карты» – несколько застывших в довольно удачно найденных позах фигуры, – изучая это полотно, принадлежащее, как гласит каталог, кисти Луи Ленена.

Разглядывая эти картины, Сезанн грезит, как грезил некогда, рассматривая иллюстрации «Магазэн Питтореск». Временами он даже берется за кисть, пытаясь воспроизвести по памяти то или иное увиденное им в музее полотно или какую-нибудь запыленную олеографию, замеченную в витрине антиквара.

* * *

В октябре 1857 года Сезанн и Байль перешли в первый класс, а Золя во второй, для него прошедший учебный год был годом поистине триумфальным. Первая награда, отличные баллы по всем предметам, включая закон божий и рисование (у Сезанна тоже первая награда, а по рисованию он опять, как в прошлом году, и похвального листа не получил). В сочинениях у Золя явное превосходство перед друзьями. Между прочим, не так давно преподаватель литературы, которого особенно поразила одна работа Золя, написанная им по собственной иници-

ативе в стихах, сказал ему: «Золя, вы будете писателем», – что в какой-то мере соответствовало мечтам Эмиля о будущем.

К сожалению, семейные дела его принимают менее благоприятный оборот. С каждым месяцем Золя все более и более впадают в беспросветную нужду, им приходится периодически менять квартиру. Прожив какое-то время на улице Миним, на самом краю города, они осели на улице Мазарини в бедной-пребедной квартирке: две тесные клетушки, окнами на улочку, упирающуюся в полуразрушенную стену старинной эксской крепости. У Золя нет уже ничего, никакой мебели, у них остались одни долги. А тут еще в ноябре умирает бабушка Эмиля. Уроженка провинции Бос, живая и крепкая (у нее не было ни одного седого волоса), полная неутомимой энергии, не унывающая перед невзгодами, она пускала в ход всю свою недюжинную изобретательность, чтобы как-то скрасить убогое существование семьи, чтобы при скудных средствах как-то извернуться. Ее не стало, и Золя оказались в безнадежном, можно сказать, отчаянном положении. Вот почему г-жа Золя решила поехать в Париж, чтобы обратиться за помощью к старым знакомым покойного мужа.

Эмиль с дедом остаются в Эксе одни. Хотя семья переживает тяжелые времена, Золя не теряет веры в будущее. Он говорит друзьям о своем «большом мужестве»: его нисколько не пугает бедность, он заранее готов посвятить жизнь «труду и борьбе». Неразлучные продолжают свои походы, они загораются при одной мысли о мансардах, где зреют «великие думы». В глуши холмов, вдали от презренных городов они по-прежнему зачитываются стихами Мюссе и рисуют в воображении своем будущих возлюбленных: это либо «веселые смуглянки, царицы жатв и сбора винограда», либо «златокудрая бледнолицая девочка, выступающая в венке из вербены так томно, что кажется, будто она вот-вот вознесется на небо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.